

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

Дневник
ведьмы

Двойной
крутой
детектив

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Оформление серии *Н. Никоновой*

Арсеньева Е.
А 85 Дневник ведьмы ; Свидание на линии жизни : романы / Елена Арсеньева. — М. : Эксмо, 2013. — 576 с. — (Двойной крутой детектив).

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Арсеньева Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64419-3

У всякого безумия есть логика своя.

Вильям Шекспир

*Наше время. Конец августа,
Мулян, Бургундия*

Шлеп-шлеп — гулко за окном. Топ-топ. Топ-топ и шлеп-шлеп... Тявкнул пес в соседнем дворе и тут же залился утробным ворчанием.

Старуха чуть сдвинула занавеску. Ну да. Она бежит. А псина глуп так же, как его хозяин! Старуха вчера утром сама видела, как Жоффрей, забыв свой разум и семьдесят прожитых лет, беззастенчиво млеет, когда девка пробежала мимо ворот, а ее груди прыгали вверх-вниз, и майка даже не думала их сдерживать. Ну и пес его тоже хорош! Ишь, так и бьется о забор своим раскормленным телом. Думаете, оттого бьется, что жаждет вцепиться девке в голую ногу или, еще лучше, в обтянутую шортами задницу? Как бы не так! Девка всего один раз его погладила, пошептала что-то в слюнявую морду, поулыбалась ему, будто это не бульдог с отвислыми щеками, уродливый до противности, а невесть какой красавчик, — и все, он уже и руки ей лизал, и ноги. А когда она побежала — ну да, как раз вчера утром, точно, утром Жоффрей и вывел к ней своего Атлета, якобы псиной похвалиться, а на самом деле, конечно, на девку поближе взглянуть, — ну вот, значит, когда она снова побежала по дороге на Френ, Атлет завыл с такой тоской, будто потерял самую лучшую сучку на свете. А девка сучка и есть, по повадке видно. Надо же, так с одного раза злющего Атлета приворожить, что он теперь в кровь бьется о ворота, скулит, лишь бы она его погладила. Но сегодня она только хихикнула, ручкой помахала, крикнула что-то по-своему — нормальному человеку

4 этого языка вовек не понять, варвары говорят на нем, варвары и дикари, да ведь русские и есть варвары и дикари! — и потопала-пошлепала дальше по лужам. Ишь, и непогода ей нипочем! А бульдог остался выть тоскливо... Ведьма она, сущая ведьма!

Старуха чуть было не плюнула с отвращением, но вовремя сообразила, что плевков угодит на кафельный пол ее собственной кухни, и не поленилась подалее отодвинуть шторку, чтобы высунуться и... Именно в ту минуту пробежавшая мимо девка повернула голову, и глаза их встретились.

— Бонжур! — крикнула девка со своим кошмарным акцентом и еще улыбнулась вдовавок.

Отвечать, конечно, не стоило. Но уж что вбито годами, десятилетиями, впитано с молоком матери, что стало почти потребностью организма для француза любого пола и возраста — так это необходимость сказать «bonjour» в ответ на «bonjour» и произнести «pardon» в ответ на «pardon». От себя, как говорится, не убежишь! Старуха раскрыла рот, забыв, что он полон слюны, тут же спохватилась, снова захлопнула его, лязгнув старой, плохо прилаженной верхней челюстью, подавилась, закашлялась — и отпрянула назад, в дом, поскорей задернув занавеску, чтобы не видеть промельк сочувствия на лице девки.

Еще не хватало! Пускай подавится своим сочувствием!

Тут же старуха ощутила, что давится сама, — и разразилась надсадным кашлем, задыхаясь и ничего не видя от слез, мигом заливших все ее набрякшее морщинами лицо.

Чертова девка! Проклятая русская дикарка! Ведьма!

Старуха наконец сплюнула в кухонную раковину, отдышалась, утерла лицо кружевным платком, сильно пахнущим лавандой (в шкафу лежали многочисленные саше с лавандой из собственного сада), — и вдруг ухмыльнулась.

Надо же, что творится! Она назвала девку 5
ведьмой... А ведь не столь уж много времени
назад ведьмой называли ее. И она только делала вид,
будто обижается. На самом деле ничего оскорбитель-
ного в этом слове она не видела. Для нее было как
комплимент — услышать за спиной сдавленное: «*La*
sogsière!» Судачили: мол, она и с резистантами ужи-
валась, и с фашистами, и никто на нее руку не под-
нял, даже когда расстреляли пятерых жителей Муля-
на, заподозренных в связях с маки¹, а потом начали
наголо стричь всех баб, к которым хаживали фрицы...
Нечистое, значит, дело: всех вокруг пальца обвела!
Судачили также, будто кто-то из ее прежних любов-
ников (замужем-то она отродясь не была, да и кто б
решился взять ее за себя, с таким-то гонором, это ж
самому себя в могилу загнать!) оставил ей деньги,
много денег... Иначе как объяснить то, что она жила,
не ведая беды, даже в самые тяжелые послевоенные
годы, да и вообще всегда? А может, коли она ведьма,
то спала с самим дьяволом, а дьяволовым деньгам ис-
ходу нету, известно по старым сказкам. Ох, какого
только змеиноного шепотка не слышала она за своей
спиной, но никто так и не разгадал ее тайны. Лишь
одному человеку удалось, он и осмелился сказать ей
это в лицо. Ну и что? И где он, тот глупец?

Старуха пожала плечами и снова выглянула из ок-
на. Девка на своих длинных ногах (такие длинноно-
гие в бургундских краях — нелепость и редкость,
словно журавли в гусиной стае!) уже невесть сколько
отмахала. Как раз пробежала яблоневоый сад на ок-
раине Муляна. Жаль, пропустила интересный мо-
мент: как она воровато оглянется, наклонится, наша-

¹Маки — так назывались французские партизаны,
скрывавшиеся в горах и лесах (слово «маки» на Корсике
означает заросли непроходимого кустарника); ре- з и-
с- т а н т а м и же (от слова *Résistance* — Соппротивление)
называли вообще всех участников антифашистского дви-
жения.

6 рит в траве упавшее яблоко. (Очень, очень много яблок нынешним летом, и яблок, и ежевики, и боярышника, значит, зима холодная будет, померзнут виноградники Жоффрея в горах, померзнут... да и черт с ними!) А девка, как найдет яблоко, оботрет о шорты, а потом, еще раз воровато обернувшись, откусит. И побежит дальше, жуя, откусывая снова и снова. И не подавится ведь!

Конечно, здесь, в Бургундии, яблоки невероятные, сочные, огромные, красные, у них там, у русских дикарей, конечно, такого не видели, вот девка и набивает живот тем, что ни один уважающий себя бургундец и в рот не возьмет: упавшим яблоком. Они ж только для коз, люди едят лишь сорванные с веток, росой покрытые, из них и сидр делают. А эта... Фу, ну и брюхо у нее! Луженое, вот уж верно — луженое. Дикарка, как было сказано.

Впрочем, яблоками отравиться можно только в сказках. Мачеха подсунула отравленное яблочко *Blanche Neige*, Белоснежке, ну, та и... А в жизни чаще всего другим чем-нибудь травятся. Грибами, к примеру. Вот говорят, будто в здешних лесах растет один такой гриб, почти неотличимо схожий с шампиньоном...

Старуха передернула плечами. Сырость, сырость недавно прошедшего дождя вползла в окно. Пахло августовской прелью, занавеска стала влажной, но старуха не опустила ее, а все смотрела вдаль.

Дорога скоро уйдет в низину. Со всех сторон ее обступили леса. Не слишком большие, лишь поля ограждают от дороги, но густые непролазно, все заплетенные плющом и заросшие низкорослым шиповником. Старуха помнила по прежним временам: когда идешь по дороге, гулкое эхо твоих шагов отражается от плотной стены леса и отдается вокруг. Небось, когда девка бежит, ей чудится, будто кто-то — шлеп-топ, топ-шлеп... — преследует ее. И она дергается, озирается, трусит.

А может, и не трусит. И не дергается, и не озирается. Может, сам черт ей не брат. Бежит себе, изредка поглядывая на метки на асфальте, означающие, сколько километров она пробежала от Муляна и сколько еще осталось до Френа, до Нуайера, Сен-Жоржа, или куда там она бежит. Бежит да какую-нибудь свою варварскую, дикарскую песенку распевает. 7

Старуха нахмурилась. Ей хотелось, чтобы русской девке было страшно, жутко, тревожно. И она, сильно нахмурившись, вспоминала, снова и снова вспоминала о том, как тяжело дышится между сырых стен леса, как бесприютно посвистывает ветер при дороге, как неподвижно и тупо лежат по обочинам оранжевые и коричневые лимазы¹, словно бы кожаные, немного похожие на отрезанные перчаточные пальцы...

В такую сырость и непогодь плохо на лесных дорогах, плохо, упорно думала старуха. Чувствуется, что август — это последний летний месяц, а то и первый осенний. Листья начинают опадать. Ветер подберется сзади, закрутит их, просвистит за спиной... почувдится, кто-то промчался на велосипеде, но обернешься — а там нет никого.

Нет? Никого нет?

Старухе показалось, будто по спине ее прошлась чья-то ледяная рука. Она быстро отошла к разожженному камину и встала к нему спиной, мрачно глядя на кружевную занавеску, за которой медленно, словно нехотя, занимался пасмурный день, суливший близкий дождь.

Таким утром того и жди, что услышишь на лесной дороге шелест велосипедных колес, чье-то запаленное дыхание. В такое утро носится по дорогам вокруг Муляна призрак велосипедиста, а на сырых опушках вылезает из земли омерзительный и страшный гриб — белая бургундская поганка...

¹Лимаз — слизняк (*искаж. франц.*).

Некий день в начале августа, Москва

Невезуха — это что-то вроде курносого носа. Пожизненная награда. От невезухи ничем не избавишься, а нос курносый ничем не исправишь. Конечно, есть такая штука, как пластическая операция... Но ведь ты все равно запрограммирован курносым. И век свой живешь именно так, как определено жить всем курносым: нелепо. Потому что нос твой нелеп. А вот если у тебя греческий, а еще лучше — римский профиль и носик с небольшой изысканной горбинкой (можно не с такой медальной, как у Ахматовой, а что-нибудь поскромнее), то и жизнь ты проживаешь необычайную и изысканную.

Алёна Дмитриева, героиня нашего повествования, не могла бы положить руку на сердце уверять, что жизнь у нее такая уж обычная. Однако нелепой ее вполне можно назвать. Может быть, из-за курносого носа, которому вовремя не было произведено усекновения и который придавал ее физиономии нечто несуразное?

Что характерно, нос Алёны был курносым только анфас. В профиль же он смотрелся очень даже прямым и придавал ее профилю нечто... ну, не сказать аристократическое, но надменное, высокомерное и всякое такое. Профиль свой Алёна любила и, стоя перед зеркалом, всячески пыталась извернуться так, чтобы им подольше полюбоваться. Для удобства однажды было даже куплено трехстворчатое зеркало, но буквально на другой день и расколото.

Пусть это и предрассудки — считать, что разбитое зеркало к несчастью, но у кого не дрогнет сердце при сборе зеркальных осколков?! Алёна Дмитриева таких людей не встречала. Именно поэтому она некоторое время обреченно ждала наступления в своей жизни полосы несчастий. Полоса наступала и отступала, жизнь ведь полосатая, за черным идет белое. И наоборот. Алёна все терпеливо сносила, но, хоть продолжала любить свой почти аристократический про-

филь, больше трехстворчатого зеркала не по- 9
купала. Видимо, ее курносому и нелепому
носишке возвеличивание его высокородной ипоста-
си пришлось не по нраву. Ну, он и начудесил с зерка-
лом. Алёна смирилась и теперь лишь изредка осме-
ливалась, сильно скосив глаза, полюбоваться своим
изысканным профилем... И немедленно после этого,
словно в отместку, жизнь ее начинала курносить.

Да вот хоть тот последний случай с терминалом на
Курском вокзале.

Там в туалете — в том, который на первом этаже, —
зеркала очень удобно расположены. Наблюдай за
своим профилем сколько хочешь! Алёна так и делала,
пока подкрашивала ресницы — в поезде не успела,
проспала, а с ненакрашенными ресницами явиться в
пир, в мир и в добрые люди она стыдилась (ну вот не
удались у нее ресницы, что да, то да!). А потом вышла
в зал ожидания и вспомнила, что вчера не заплатила
за мобильный телефон: уезжала, как обычно, в обрез,
уже такси стояло под окном, а она все еще швыряла
последние вещи в чемодан. Ладно, сейчас и заплатит.

Удобнейшая вещь — терминалы для оплаты мо-
бильных телефонов, верно? Натыканы деньгоприем-
ные ящики везде и всюду, никуда не надо ехать, в
очереди стоять не требуется, и платежи проходят
мгновенно. Алёна любила платить через терминалы.
Причем сам процесс оплаты (выбрать вид услуг, най-
ти своего оператора, указать номер телефона, под-
твердить его, сунуть в окошечко денежки, получить
квитанцию) доставлял ей такое удовольствие, что
она, если собиралась положить на свой счет пятьсот,
к примеру, рублей, платила пять раз подряд — по сот-
не. Ну что ж, в каждом из нас, говорят, живет дитя
малое, пусть даже ты взрослая (не сказать больше!),
самостоятельная, состоявшаяся (хоть и несостоя-
тельная) дама и почти известная писательница (ши-
роко известная в узком кругу, как весьма удачно вы-
разился какой-то остряк-самоучка, сейчас и не
вспомнить, кто именно). Вот и в Алёне Дмитриевой

10 задержалась девочка Лена Володина, какой она была когда-то. Задержалась и нет-нет да выглядывала на свет божий. Вот и сейчас Лена Володина и Алёна Дмитриева могли испытать кайф общения с терминалом — причем не раз, не два, даже не пять, а целых пятнадцать! Потому что положить на свой счет Алёна задумала полторы тысячи рублей. Ведь она уезжала из России на целый месяц, и не куда-нибудь, а во Францию. Конечно, на такой длительный срок лучше купить новую сим-карту в Париже, но пока-а еще ее купишь... А в роуминге деньги расходуются просто в клиническом количестве, и ведь всем известно, что хуже нет — вдруг оказаться без связи. Поэтому лучше подстелить соломки. Много соломки! Аж полторы тысячи соломок!

Итак, она нашла терминал, подождала, пока отойдет чернявый парень, заплативший пятьсот рублей одной бумажкой («Эх!» — с сожалением подумала Алёна), на мгновение задержалась взглядом на его широких, хоть и худых плечах, обтянутых тонким серым пуловером, удивилась вкрадчивой пластичности его движений: идет, как танцует! Потом нахмурилась, отгоняя некие неизбежные воспоминания из прошлой, давно умершей жизни, которые волноленс воскресали всякий раз при одном только, даже самом мимолетном, упоминании о танцах и танцорах, — немножко, самую малость, огорчилась, что парень скользнул по ней таким равнодушным взглядом (ну и пожалуйста, ему же хуже, ничего не понимает во взрослых женщинах!), и подступила к терминалу. Выбрала дурацкий логотип МТС (она была верна МТС много лет, что не мешало считать логотип этой сети дурацким, дурацким!), потом набрала свой номер и, повинувшись подсказкам, отправила в приемник первую сотню, нажала на надпись «Оплатить», приготовила вторую денежку... но тут запел ее мобильный телефон.

Звонила Марина — одна хорошая и милая барышня, которая жила в Париже, потому что была заму-

жем за симпатичным французом по имени Мо- 11
рис и даже родила ему двух русско-француз-
ских девочек. Алёна дружила с ней и уже несколько
раз побывала в гостях в ее очаровательном семействе,
туда она собиралась и сейчас: и виза была готова, и
рейс Москва — Париж уже сегодня вечером. Мари-
на такая хлопотунья, такая заботница! Несмотря на
то что Алёна старше ее больше чем на десяток лет,
Марина считала ее сущим дитем неразумным (ну, на-
верное, заслуженно считала, ей-богу!) и раз двадцать
готова была напомнить, как именно нужно доби-
раться от аэропорта Шарль де Голль. Алёна много раз
ездила этим маршрутом и все прекрасно помнила:
сначала сесть на бело-зеленый автобус с логотипом
«Roissy bus», не перепутать с другой фирмой, другой
автобус завезет невесть куда, доехать до улицы Скри-
ба, что возле Оперá, а уж откуда до Марининого дома
рукой подать. А идти по рю Лафайет да Лафайет и ми-
мо «Галери Лафайет»...

Убеждая Марину, что она, Алёна, не так глупа, как
могло показаться во время ее последних визитов¹, и
уж никак не заблудится в прекрасном Париже, наша
путешественница рассеянно смотрела на терминал,
ощущая некое неудобство. Ей чего-то не хватало...
Ага, чека, вот чего! Терминал не выдал чек, удостове-
ряющий, что оплата произведена. А чек в наше вре-
мя — о-очень важное дело. Ежели вдруг какие пре-
тензии возникнут, ну кто ты без чека? Никто! И слу-
шать тебя никто и нигде не станет, даже и глядеть-то
на тебя не станут! Поэтому Алёна почувствовала себя
без чека очень неудобно. И еще одна настораживаю-
щая деталь: не меньше пяти минут прошло после оп-
латы, а на ее номер до сих пор не поступила эсэмэска
о том, что деньги на счет зачислены. Конечно, пяти
минут вроде бы маловато, поэтому Алёна не полени-

¹ Эти истории можно прочесть в романах Елены Ар-
сеньевой «На все четыре стороны» и «Поцелуй с дальним
прицелом», издательство «Эксмо».

12 лась: закончив разговор, подождала и десять минут, и пятнадцать. Разумеется, она не стояла тупо около терминала, а покупала для Марины ее любимые московские конфеты — рот-фронтские, красно-октябрьские и бабаевские: «Мишка на Севере» и «Ананасные», а также батончики «Халва в шоколаде» и суфле разных видов. И ждала, ждала... Но толку никакого: эсэмэска о зачислении денег так и не пришла. Тяжко вздохнув, Алёна потащила в салон «Евросети», расположенный здесь же, на первом этаже Курского вокзала, заплатила все деньги сразу строгой барышне в униформе, получила чек, спустя буквально три минуты приняла эсэмэску о том, что сумма на ее счете изрядно увеличилась... и окончательно смирилась с мыслью о потере первых ста рублей.

— Терминал не работает, — пожаловалась она барышне. — Сожрал мою сотню — и не поморщился.

— Да, такое сплошь и рядом случается, — кивнула барышня. — Ой, смотрите, какой-то тип деньги из аппарата вынимает... Наверное, он как раз из их фирмы, кто еще в ящик полезет. Вот вы ему и скажите свое «фэ». Или пусть он вам вашу сотню отдаст.

— Да у меня чека нет, — вздохнула Алёна, — не поверит.

— Попытка не пытка, — уверила добросердечная барышня.

Да ведь и в самом деле!

Алёна, волоча за собой чемодан, вернулась к терминалу и сказала в широкую, плотную спину человека, склонившегося над ним:

— Извините, этот аппарат только что забрал мою денежку, а чека не отдал...

Спина разогнулась, повернулась — и Алёна увидела ее обладателя. Он был такой типичный ретро-качок, что даже смотреть скучно. Сразу вспоминались боевые девяностые годы, широченные штаны с мотней, висящей чуть не до колена, тусклые кожаные куртки и тусклые глаза, покатые плечи, бритые головы, тупая ярость в каждом слове... Все было один в

один, кроме кожаной куртки. Все же на дворе 13
конец августа, очень жаркого августа, так что
вместо куртки на качке была черная, но тоже тусклая
футболка. И в довершение образа у него была свежая
царапина на ухе, словно кто-то вот только что провел
по нему булатным вострым ножичком. Готовый ти-
паж для киношки по романам Бушкова!

— Я тут при чем? — буркнул ретро-качок. — Зво-
ните в фирму.

Он махнул на терминал и торопливо пошел прочь,
воровато косясь на Алёну и засовывая деньги в кар-
маны своих широченных ретро-штанов.

«Я бы ничуть не удивилась, если бы оказалось, что
он просто-напросто обчистил автомат!» — подумала
наша героиня. Собственно, она бы не имела ничего
против этого: автомат обчистил ее, ретро-качок об-
чистил автомат, фирма получила по заслугам. Экспро-
приация экспроприаторов, так сказать! Но если
так, то ведь и ее сотня тоже украдена. И поди теперь
докажи, что она платила. А может быть, внешность
ретро-качка обманчива? Вот ведь и у Алёны она
очень даже обманчива. С виду тако-ой милый свежий
цветочек, а в натуре... нет, конечно, она не божий
одуванчик пока еще, но все же и не такая легкомыс-
ленная тридцатилетняя девочка-припевочка, какой
может показаться на первый беглый взгляд. Именно
потому, что Алёна помнила: внешность весьма об-
манчива! — она поискала на желтом сверкающем бо-
ку автомата номер телефона фирмы, которой он при-
надлежал, и набрала его по своему мобильному.

Сначала долго никто не брал трубку. Потом вклю-
чился автоответчик:

— Вы позвонили в фирму «Терминал-сервис».
К сожалению, сейчас все диспетчеры заняты. Вы мо-
жете оставить свое сообщение после гудка или пере-
звонить попозже.

Алёна задумчиво посмотрела по сторонам. Позво-
нить попозже? Да она забудет как пить дать. Довлеет
дневи злоба его, а злобы, то есть дел и хлопот, у нее

14 сегодня невпроворот. Просто невпроворот!

Поэтому она торопливо — гудок уже отзвучал — проговорила:

— Ваш терминал, который находится на Курском вокзале, не выдал мне чека на сто рублей, и сообщения о зачислении денег на счет я тоже не получила, и даже сотрудник ваш, который деньги из терминала изымал, качок в черной майке, бритый такой, с порезанным ухом, отказался со мной разговаривать и принимать претензии. Если вы, господа, качаете таким образом деньги из народа, то это свинство, товарищи! Впрочем, искренне надеюсь, что произошло случайное недоразумение и скоро я получу сообщение о поступлении денег на мой счет. Сообщаю мой телефон... Можете позвонить и принести свои извинения!

Выговорив все одним духом (за словом, как устным, так и письменным, Алёна Дмитриева отродясь не лезла в карман!), она сунула телефон в сумочку и двинулась ко входу в метро, размышляя: а за каким чертом она, собственно, звонила в «Терминал-сервис» и взывала к совести его обитателей? Что, у нее последняя та сотня, чтобы из-за нее так надрываться и хлопотать?! Честно говоря, имелась у нашей героини такая черта: при всем своем патологическом транжирстве и клиническом неумении *наживать* деньги она вдруг начинала порой экономить на спичках. И довольно бестолково, надо сказать: ведь она сейчас в междугородном роуминге, время же днем самое дорогое, так что, заботясь о несчастной сотенке, кинула псу под хвост почти столько же!

А, ладно! Алёна выбросила эту дурь из головы (она, между нами говоря, виртуозно умела выбрасывать из головы все ненужное... и нужное, кстати, тоже, из-за чего бывала на редкость забывчива, порой до одури) и даже не подозревала, что из-за кретинской, жалкой сотни только что подвергла свою жизнь такой опасности, какой не подвергала ее ни разу... Пожалуй, ни разу с тех самых пор, как родилась!

Иногда меня поражает человеческая тупость. Вернее, невнимательность. Никто, ну вообще никто ничего, ну вообще ничего не видит дальше своего дурацкого носа. Не видит и не помнит. И все бредни, которые можно прочесть в романах о том, как человек через много, много лет узнает своего обидчика и начинает ему страшно и ужасно мстить, — воистину бредни, выдумки досужих писак.

Очень забавно я себя чувствовала, сидя сегодня напротив Жоффрея. Все-таки привлекательный мужчина. Был несуразным мальчишкой, потом нелепым юнцом, а теперь так преобразился. И курица Жанин ему совершенно не подходит. Ему нужна настоящая женщина! Женщина с характером и с таким же огромным жизненным аппетитом, как у него. Но это у них в роду — жениться на курицах. Я ведь отлично помню Лазара, его отца. Он был потрясающий мужчина. А его Мадлен была просто ничто. Но очень хитренькое ничто. Лазар не мог понять, каким образом Мадлен умудрилась забеременеть. Что-то такое плел, мол, она сама залезла к нему в шалаш на виноградниках, когда он ходил на встречу со связным макі. Все может быть: Мадлен-то была курица, но ведь курица всегда к себе гребет. А может, врал он, строил из себя такую невинность, чтобы я не бесилась. Но... я бесилась!

Теперь Лазара давно нет, Мадлен никого другого себе не нашла и корчит из себя вдову резистанта. Ей так и не удалось добиться, чтобы Жоффрею дали фамилию Лазара — тот был Барон, а Мадлен и Жоффрей — Пуссоньер, но все знают: Лазар женился бы на Мадлен и сын его родился бы в законном браке, если бы за несколько дней до того, как союзники высадились в Нормандии и гитлеровцы начали паковать чемоданы, Лазара не поставили к стенке... К той самой, что неподалеку от часовни на перекрестке, почти в центре Муляна, она теперь увита виногра-